

Ю. В. Костяшов

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО
СТАЛИНИЗМА В КОЛХОЗАХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Рассматриваются самые крупные идеологические кампании 1946 – 1953 гг. на основе неизвестных ранее материалов архивных фондов калининградских колхозов. С позиции «истории повседневности» анализируется их влияние на массовое сознание крестьян и их социальное поведение. Основное внимание обращается на представления жителей деревни о себе и окружающем мире, их реакции на значимые общественные и политические события. Делается вывод о том, что советская пропагандистская работа в послевоенные годы имела весьма формальный характер, хотя и не умаляющий ее первостепенного значения для сохранения власти партийной и государственной номенклатуры. Проведенное исследование поможет выявлению особенностей социального развития послевоенной советской деревни и будет способствовать пониманию специфики региональной истории.

This article analyses the major ideological campaigns of 1946 – 1953 on the basis of earlier unknown materials from the archival funds of Kaliningrad kolkhozes. The author considers the influence of campaigns on the mass consciousness of peasants and their social behaviour from the perspective of «everyday history». Special attention is paid to the ideas of rural residents about

themselves and the word, and their reaction to major social and political events. The author comes to a conclusion that, in the post-war years, Soviet propaganda was of rather formal nature, which, however, did not downplay its paramount importance for maintaining power by party and state nomenclatura. The study will help identify the features of social development of post-war Soviet countryside and contribute to understanding regional history.

Ключевые слова: история повседневности, Калининградская область, колхозники, идеологические кампании, сталинизм, 1946–1953 гг.

Key words: everyday history, Kaliningrad region, kolkhoz members, ideological campaigns, Stalinism, 1946–1953.

Содержание идеологии и приемы советской пропаганды в сталинскую эпоху достаточно хорошо исследованы [1–4]. Однако до сих пор слабо изучены механизмы воздействия пропаганды на массовое сознание советских людей и его результаты. Если в отношении рабочих, интеллигенции, городского населения в целом публикации на эту тему (в основном иностранных ученых) уже появились [5; 6], то колхозное крестьянство продолжает оставаться, по образному выражению Т. Шанина, «великим незнакомцем» [7].

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть в хронологической последовательности послевоенные идеологические кампании в калининградской деревне в 1946–1953 гг., т. е. с момента образования колхозов и до года смерти Сталина. Цель работы – изучить характер и последствия государственной пропаганды и оценить ее эффективность с точки зрения поддержания стабильности правящего в стране режима. Используемые в статье архивные документы (протоколы общих и партийных собраний колхозников) анализируются с перспективы «истории повседневности». Под последней в отечественной историографии чаще всего подразумевается обыденная жизнь людей, история быта и почти не обращается внимание на мировоззренческие установки, представления советского человека о себе и окружающем мире, его реакции на те или иные общественные и политические события. Восполнение этого пробела даст возможность расширить наши представления о феномене советского тоталитаризма и тех социально-политических изменениях, которые происходили в последние годы жизни Сталина.

Ответ газете «Сондель таймс»

Первая пропагандистская волна «накатила» на калининградских крестьян вскоре после прибытия первых эшелонов с переселенцами и началом организации колхозов. В сентябре 1946 г. «Правда» напечатала ответы И. В. Сталина на вопросы корреспондента газеты «Санди таймс» о текущем международном положении [8]. По указанию из Москвы эти ответы должны были обсудить на собраниях во всех трудовых коллективах страны.

Для калининградских переселенцев, которые оказались на чужбине, в разрушенном войной крае и ежедневно сталкивались со множеством неразрешимых житейских проблем, предложенная для обсуждения тема должна была показаться очень неожиданной, если не сказать нелепой. Дело осложнялось и тем, что доставка газет в то время еще не была налажена, радио отсутствовало, так что передаваемая по цепочке из обкома и райкомов информация доходила до мест по принципу работы «испорченного телефона». В результате председатели колхозов и секретари партячеек смутно представляли, о чем говорил вождь, и весьма вольно излагали на собраниях его ответы. Впрочем, у опытных ораторов всегда был наготове небольшой набор идеологических клише, которые они пускали в ход всякий раз, когда оказывались в затруднительном положении. Обошлось и на этот раз. В нескольких десятках колхозов, где состоялись собрания, был задан всего один оставшийся без ответа вопрос: «Какова роль атомной бомбы?» [9, л. 2].

По итогам обсуждения протоколы колхозных собраний обогатились постановлениями примерно следующего содержания: «Ответ т. Сталина московскому корреспонденту Сондель таймс¹ господину Александроль одобрить» [10, л. 43]. Текст резолюции с различными вариациями написания названия газеты и имени корреспондента повторялся от собрания к собранию, и только в колхозе «Прогресс» участники собрания, вдохновленные, видимо, присутствием представителя района Бубнова, высказались более подробно. «Ответы тов. Сталина, — говорилось в постановлении, — являются единственным ободряющим заявлением по внешней политике, сделанным союзным государственным деятелем в течение года, прошедшего со времени окончания войны. Ответы тов. Сталина дали нам новую уверенность в дело нашей победы, которые вдохновляют нас на новые подвиги» [10, л. 48 об. — 49].

Клятва Сталину

Два-три раза в год калининградские колхозники писали письма Сталину, присоединяясь к очередному почину какого-нибудь трудового коллектива на необъятных просторах СССР и принимая на себя дополнительные обязательства. Это мероприятие превратилось в такую рутину, что в протоколах из года в год переписывались одни и те же пункты, так что весной можно было прочесть о досрочной уборке урожая в качестве ближайшей задачи, а осенью — о посеве яровых.

По-видимому, понимая нулевую эффективность такой формы работы, местное партийное начальство решилось на нестандартный шаг. В августе 1947 г. трудящимся Калининградской области было предложено вместо традиционного «письма» дать клятву «великому вождю и учителю». Серьезность момента подчеркивало то обстоятельство, что на собрания колхозников помимо партработников были командированы офицеры МГБ и пограничных войск.

¹ Так в документе.

В сохранившемся тексте клятвы Сталину членов колхоза «Трудовое знамя» наряду с обычными в таких случаях заверениями «не покладая рук трудиться на своих социалистических колхозных полях» и «добиваться высоких сталинских урожаев» появилось и немного конкретики: «До 1 сентября 1947 года полностью убрать весь созревший хлеб» [11, л. 20 об. — 21]. Впрочем, хлеб, как всегда, не был до конца убран и в декабре, а обком более не стал экспериментировать с новациями в работе с трудящимися.

Коминформбюро

78

В октябре 1947 г. из обкома поступило указание о проведении собраний в связи с созданием Коммунистического информационного бюро. Из короткого сообщения ТАСС трудно было понять смысл этого эпохального события. В протоколе партсобраний колхоза «Путь Ленина» его суть была изложена в одном предложении: «Недавно проходило совещание некоторых компартий в Польше, где делал доклад тов. Жданов о результатах 2-й Империалистической войны с Германией». Надо признать, упомянутый А. А. Жданов был бы крайне удивлен *такой* интерпретацией его выступления. Резолюция собрания была столь же лапидарной: «Доклад тов. Жданова одобрить и приступить к немедленному выполнению в жизнь путем проведения бесед и громких чтотков в массе» [12, л. 50].

На собраниях в других колхозах организаторы также в основном ограничивались «громким» чтением статьи в «Правде», а выступающие говорили о том, что «лучше, как в газете, мы все равно не скажем», что надо «довести ее до души каждого», а то «у нас за последнее время стало среди колхозников чемоданное настроение ехать на родину» [9, л. 43 — 45 об.].

Среди заданных докладчикам вопросов наиболее близкими к повестке дня оказались два: «Каково отношение к нам Турции?» [13, л. 5] (вопрос был навеян распространявшимися по области слухами о готовящейся или уже начавшейся (!) войне с Турцией) и «Где сейчас находится Тельман?» [14, д. 1, л. 48].

Впрочем, на нескольких собраниях нашлись желающие высказаться по существу темы. Так, в колхозе «Большевик» записной оратор тов. Костин сказал: «Англо-Американские империалисты шумели и будут еще больше шуметь о неизбежности новой войны, и мы сами знаем, что война будет, но не скоро, ибо два противоположных лагеря существовать и жить без войны не могут. Поэтому мы, как всегда, должны держать порох сухим, а это значит, на шумиху о войне мы должны ответить сплоченностью вокруг нашей партии и тов. Сталина» [15, л. 25 об.].

В постановочной части протоколов собраний формалисты отдела-лись дежурной фразой о том, что совещание надо «считать историческим событием», а его решения одобрить. Там, где идеологическая работа оказалась на высоте, в резолюции включали дополнительные пункты. В «Новой жизни» решили «превратить колхоз в неприступную

крепость для наймитов реакционно-империалистической агрессии» [16, л. 14–14 об.], а в «Заветах Ильича», явно спутав две параллельно разворачивавшиеся кампании, постановили всем миром «разоблачать попытки преклонения и раболепия перед буржуазным Западом» [13, л. 5]. Словосочетание «Коминформбюро» не было произнесено ни разу.

Стокгольмское воззвание

Воинственные речи, наподобие приведенного выше высказывания тов. Костина, при случае тотчас же менялись на пацифистские. Так было во время кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием Всемирного конгресса сторонников мира летом 1950 г. В инструкции партийных органов на этот счет говорилось, что во время подписной кампании «не должен быть пропущен ни один человек», при этом «надо дать понять колхозникам, что плодотворная работа на уборке — лучший залог в обеспечение мира» [17, л. 51]. В соответствии с новыми установками выступали и ораторы. На собрании в колхозе «Путь Ленина» «проникновенную речь» в защиту мира произнесла В.А. Войтова: «Война — это гибель для народа, [она] несет нищету, калечество, убийство людей. Войны нужны только капиталистам, а мы войны не хотим и за общий мир отдадим свои подписи» [18, л. 12].

79

Врачи-убийцы

Самая шумная идеологическая кампания пришлось на последние месяцы жизни Сталина. ТАСС 13 января 1953 г. распространило информацию о террористической группе врачей, которая «путем вредительского лечения» умертвила товарища А.А. Жданова и сократила жизнь товарища А.С. Щербакова, а также покушалась на жизнь других видных советских государственных деятелей и военачальников [19]. В последующие дни в рамках общесоюзной кампании в области было проведено 9096 собраний, бесед, чтот, на которых присутствовали 90355 человек, из них 4518 выступили с речами [20, оп. 11, д. 188, л. 55].

Тон на митингах, как правило, задавали представители партаппарата, а там где их не оказалось, в дело пришлось вступать хозяйственным руководителям. Так, председатель колхоза им. Черняховского открыл собрание следующей речью: «Товарищи! Всем нам известно, что американо-английские империалисты и *меллеордоры* (курсив авт. — Ю.К.) — самые злые враги человечества — всячески стараются развязать новую войну, они за свои доллары покупают таких людишек, которые свою жизнь продают за копейки — это недавно разоблаченная группа врачей в Москве, которые старались умертвлять наших вождей» [21, л. 2]. О чем говорить дальше оратор, по-видимому, не вполне представлял и оставшуюся часть речи почему-то посвятил героической борьбе корейского народа за независимость.

В принципе все выступления строились по одной схеме. Сначала ораторы требовали для врачей-отравителей смертной казни, причем соревновались друг с другом в изобретении конкретного способа

умерщвления. Если один говорил расстрелять, то другой выступал за повешение, остальные просто предлагали «стереть банду с лица земли» или «уничтожить с корнем». Особенно кровожадными оказались почему-то женщины. Н. П. Ш-на, например, заявила: «С такими злодеями церемониться нечего. Повесить их, а фотокарточки отправить в США». А Н-на пошла еще дальше: «Посадить их в клетки и возить по всем городам и колхозам и показывать бандитов-ученых всем русским людям как зверей в образе человека» [20, оп. 11, д. 188, л. 11 – 15, 39 – 40, 44].

Клеймение врагов традиционно завершалось принятием повышенных трудовых обязательств. Заведующая фермой в колхозе им. Калинина Б-на заявила, что «лучшим ответом на происки подлых врачей-убийц будет сохранение всего поголовья». Бригадир колхоза им. Черняховского В-ов решил ответить «отличным проведением зимовки скота и своевременной подготовкой к весенним работам». А скотник П-ов из колхоза «Культура» взял обязательство «своевременно обеспечить подвоз кормов на ферму» [22, д. 35, л. 2 – 3].

Смерть Сталина

Удивительно, что такое эпохальное событие, как смерть диктатора, практически не нашло никакого отражения в общественно-политической жизни области. По этому случаю не было проведено ни одного митинга, собрания или заседания². Партийные организации и комитеты всех уровней практически не работали в течение марта 1953 г. Конечно, о смерти Сталина говорили по радио, газеты печатали траурные материалы, но автору этих строк удалось найти в архивных документах только несколько упоминаний о болезни и смерти вождя, каждое из которых по-своему любопытно.

Во-первых, еще 3 марта бюро Краснознаменского райкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О срыве радиотрансляции в период тяжелой болезни товарища Иосифа Виссарионовича Сталина» [22, д. 27, л. 155]. Злой умысел в действиях провинившихся не был обнаружен, они отделались одним выговором, что само по себе знаменательно.

Во-вторых, однажды в протоколах колхозных партийных собраний мелькнула формула, которая, видимо, была заимствована из газетных публикаций: «Считать главной задачей в партийно-политической работе партийных организаций изучение выступлений руководителей партии и правительства тт. Маленкова, Берия (позже фамилия была вымарана. — Ю. К.) и Молотова на траурном митинге 9 марта 1953 года» [24, л. 122]. Такая осторожность, несомненно, была следствием того, что на протяжении многих недель из Москвы не поступало никаких

² Между тем траурные заседания по поводу кончины крупных государственных деятелей в СССР были давней традицией. Так, например, в октябре 1949 г. на собраниях в калининградских колхозах «заслушивали» сообщение о смерти маршала Ф. И. Толбухина, а в колхозе «Путь к коммунизму» Ладушкинского района даже приняли на этот счет резолюцию: «Информацию тов. Чернышова о смерти тов. Толбухина принять к сведению и разъяснить населению о заслуге товарища Толбухина» [23, л. 126].

внятных директив по поводу происходящего, что свидетельствовало, как минимум, о царившей в верхах растерянности, а скорее всего, и о нешуточной подковерной схватке за сталинское наследство.

Похоже, приближение грядущих перемен каким-то образом почувствовали и простые люди, о чем свидетельствует третий и самый интересный случай упоминания в архивных документах о смерти «любимого учителя».

Партийное собрание в поселке Чистые Пруды рассмотрело поведение коммуниста Д. К. Х-на и его друзей, которое было следующим образом описано выступившим докладчиком: «8 марта в день траура в связи с кончиной Вождя я узнал, что в доме Х-на устроена была гулянка. Меня это очень возмутило, я пошел в дом Х-на, где увидел: там целая компания гуляет и распивает вино, поют песни, играют на балалайке и в гармошку. Я сказал Х-ну, что надо прекратить гулянку в такие тяжелые дни траура. Х-н послушал, играть прекратили, а как я вышел из дома Х-на, я услышал — опять заиграла гармошка и балалайка. Я со слезами на глазах ушел к себе домой. Поведение Х-на непартийное». Самое интересное, что коммунист Х-н несколько не смутился, и в ответ на угрозу исключить его из партии сказал, что «ему надоело, когда его то и дело тягают на бюро. Если надо — то пусть собрание исключает его из партии». Это решение и было принято [25, л. 143–145].

«Презренный враг Берия»

Последняя и наиболее хорошо организованная кампания этого периода пришлось на июль 1953 г., когда в Москве был разоблачен «распоясавшийся агент мирового империализма» Л. П. Берия. Кампания началась с тотальной ревизии библиотек: под контролем облита было произведено уничтожение книг «шпиона», его портретов, на коллективных снимках его изображение заштриховывалось, публикации в подшивках газет вырезались [20, оп. 13, д. 113, л. 91; д. 115, л. 1–39; д. 140, л. 1–255]. Протоколы собраний колхозников, где партработники зачитывали постановление пленума ЦК «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» [26, с. 365–373], зафиксировали необычайно большое количество вопросов к докладчикам, большинство из которых были, что называется, с подтекстом: «С какого времени Берия стал на путь вредительства?»; «Берия подрывную работу вел один или еще были с ним люди?»; «Как освободили врачей-профессоров, которые были арестованы как враги народа, не по его ли инициативе?»; «Что было бы, если бы врагу Берия удалось захватить власть?»; «В чем выражалась пропаганда культа личности?»; «Неужели Сталин не знал проделки Берия?»; «Почему он до сих пор находился в ЦК и имел большую связь везде?»; «Не найдется ли еще там таких вонючих клопов?» [13, д. 2, л. 90; 27, л. 21; 28, л. 43]. Подобные вопросы, которые в прежних кампаниях всегда носили чисто формальный характер, впервые наполнились смыслом, что свидетельствовало о появившемся у людей желании разобраться по существу и еще о невесте откуда возникшей смелости задавать начальству «неудобные» вопросы.

Впрочем, дальнейший ход обсуждения под присмотром руководства «покатился по накатанной дорожке» — дежурные ораторы в запале приписывали «презренному врагу человечества» даже те преступления, о которых не смогли додуматься и в ЦК: «готовил переворот», «увеличивал налоги», «тормозил продвижение машин в колхозы», «хотел распустить колхозы и превратить нас в рабов» и т.п. [27, л. 21; 29, л. 61—62; 30, л. 39]. Приз за изобретательность, пожалуй, мог бы получить народный трибун из колхоза им. М. Горького, который чуть ли не всерьез убеждал односельчан, что «этот кровосос хотел пить нашу кровь» [29, л. 61].

После такого разогрева ограничиться одним одобрением решения ЦК было, конечно, совершенно недостаточно. Побуждаемые президиумами собраний, колхозники выступили с рядом починов, которые должны были стать достойным ответом на «происки мирового империализма». Помимо абстрактных обещаний «улучшить нашу работу» и «усилить бдительность» в протоколах появились и более конкретные обязательства. В одном колхозе пообещали «завершить уборку урожая в срок и без потерь», в другом — решили «обеспечить скот теплыми помещениями», в третьем — договорились «снабдить общественное животноводство на весь стойловый период грубыми и сочными кормами», а в колхозе «Дружба» в обязательства почему-то записали «создание фонда для помощи престарелым колхозникам и инвалидам» (видимо, пострадавшим от преступных действий «иностранного агента») [14, д. 2, л. 147—148; 30, л. 39; 31, л. 18].

Любопытно, что эта, как почти и всякая другая, идеологическая кампания была использована нечистоплотными людьми для подсиживания начальства, сведения личных счетов, оговаривания неугодных. На партийном собрании в колхозе «Дружба» местная активистка Ш-ва призвала односельчан «посмотреть в своем колхозе, кто приносит нам вред» и тут же назвала первую кандидатуру: «Наше руководство содержит бухгалтера и доверило ему все, а на самом деле он является сыном попа и ведет себя нечисто». Далее взяли за коммунистов, которые «разглашают всякие решения наших партсобраний, что является большим преступлением» [14, д. 2, л. 146].

Заключение

На первый взгляд все рассмотренные идеологические кампании носили сугубо ритуальный характер, и громоздкая пропагандистская машина работала вроде бы вхолостую. Однако коллективное зомбирование выполняло важную социально-политическую функцию, так как избавляло большинство людей от необходимости задумываться о сути происходящего вокруг, а у людей думающих порождало двоемыслие и в конечном счете конформизм. Вот почему работа пропагандистского аппарата была важнейшим элементом сохранения политического режима, воспитания лояльности граждан к партии и государству. И только смерть Сталина и последовавшие за ней события прорвали первую брешь в хорошо отлаженном идеологическом хозяйстве Страны Сове-

тов. Именно в это время у калининградских крестьян появляются первые признаки «эмансипации разума» и преодоления страха, которые немного позднее, уже после XX съезда партии, привели к более серьезным переменам в жизни советской деревни.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 12-01-00047.

Список источников и литературы

1. *История сталинизма: итоги и проблемы изучения.* М., 2011.
2. *Российская политическая наука : в 5 т.* М., 2008. Т. 4.
3. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие. М., 2011.
4. *Советская повседневность и массовое сознание.* М., 2003.
5. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.
6. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011.
7. *Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин.* М., 1992.
8. *Ответы тов. Сталина И. В. на вопросы, заданные московским корреспондентом «Сандей Таймс» г-ном Александром Верт в своей записке на имя тов. Сталина от 17 сентября 1946 г. // Правда.* 1946. 25 сент.
9. Государственный архив новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО). Ф. 410. Партийная организация (ПО) колхоза «Авангард», Нестеровский район. Оп. 1. Д. 1.
10. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. 318. Управление по гражданским делам Нестеровского района. Оп. 2. Д. 7.
11. ГАКО. Ф. 851. Управление сельского хозяйства, Правдинский район. Оп. 3. Д. 1.
12. ГАНИКО. Ф. 218. ПО колхоза «Путь Ленина», Ладушкинский район. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАНИКО. Ф. 440. ПО колхоза «Заветы Ильича», Нестеровский район. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАНИКО. Ф. 442. ПО колхоза «Дружба», Нестеровский район. Оп. 1.
15. ГАНИКО. Ф. 438. ПО колхоза «Большевик», Нестеровский район. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАНИКО. Ф. 148. ПО колхоза «Новая жизнь», Правдинский район. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАНИКО. Ф. 1020. ПО колхоза им. Я. М. Свердлова, Большаковский район. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАКО. Ф. 746. Колхоз «Путь Ленина», Гвардейский район. Оп. 1. Д. 1.
19. *Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей / ТАСС // Калининградская правда.* 1953. 14 янв.
20. ГАНИКО. Ф. 1. Обком ВКП(б).
21. ГАКО. Ф. 1013. Колхоз «Бородино», Краснознаменский район. Оп. 1. Д. 4.
22. ГАНИКО. Ф. 225. Краснознаменский райком ВКП(б). Оп. 4. Д. 35.
23. ГАНИКО. Ф. 212. ПО колхоза «Путь к коммунизму», Ладушкинский район. Оп. 1. Д. 1.
24. ГАНИКО. Ф. 400. ПО колхоза им. И. В. Сталина, Большаковский район. Оп. 1. Д. 2.

25. ГАНИКО. Ф. 412. ПО колхоза «Чистые Пруды», Нестеровский район. Оп. 1. Д. 3.
26. Лаврентий Берия. 1953 : стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
27. ГАНИКО. Ф. 1029. ПО колхоза «Дружба», Большаковский район. Оп. 1. Д. 2.
28. ГАНИКО. Ф. 1177. ПО колхоза «Зорино», Гвардейский район. Оп. 1. Д. 3.
29. ГАНИКО. Ф. 1175. ПО колхоза им. А.М. Горького, Гвардейский район. Оп. 1. Д. 3.
30. ГАНИКО. Ф. 3151. ПО Большаковского райкома ВКП(б). Оп. 1. Д. 1.
31. ГАНИКО. Ф. 441. ПО колхоза «Красное знамя», Нестеровский район. Оп. 1. Д. 2.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: kostyashov55@mail.ru

About author

Prof. Yury Kostyashov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: kostyashov55@mail.ru